

о которых нельзя забывать, также и внедрением междисциплинарных подходов, а также цифровизацией самих воспитательных практик.

Подводя итоги данной статьи, следует сказать, что в современной ситуации духовно-нравственное воспитание является одним из наиболее эффективных инструментов противодействия экстремизму в условиях цифровизации. Его значимость обусловлена способностью формировать внутренние барьеры против деструктивных идеологий. Формирование устойчивых ценностных ориентиров, развитие критического мышления и социальной ответственности позволяют создать эффективные преграды на пути распространения экстремистских мировоззренческих форм. Реализация данных задач требует комплексного подхода, объединяющего усилия образовательных учреждений, семьи и общества.

Список использованных источников:

1. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ // КонсультантПлюс.ру. (дата обращения: 23.03.2026).
2. Каримов, А.В. Духовный мир человека и духовная жизнь общества / А.В. Каримов // Духовно-нравственное воспитание: учебно-методическое пособие. – Тамбов, 2018. – С. 6.
3. Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции 23 ноября 2012 года. – Тамбов, 2013. – 294 с.
4. Каримов, А.В. Экологическая культура и ее значение в системе духовного развития личности студента / А.В. Каримов, Т.И. Пчельникова // Духовные основы отношений человек - природа. Материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2023. – С. 360-362.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мокосеева, М.А.,

*доцент кафедры публичного права России и зарубежных стран
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Матвеева У.В.,

*студентка юридического факультета
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,*

Сергеев Е.Р.,

*студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»*

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) и робототехники трансформирует общественные отношения, создавая беспрецедентные вызовы для права. В статье анализируются современные подходы к правовому регулированию ИИ в России и зарубежных юрисдикциях,

исследуются проблемы определения субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами, защиты персональных данных и охраны результатов интеллектуальной деятельности. На основе анализа актуальных законопроектных инициатив (по состоянию на март 2026 года) формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом необходимости баланса между поддержкой инноваций и защитой прав граждан.

Современный этап научно-технического развития характеризуется экспоненциальным ростом возможностей искусственного интеллекта и робототехники. Системы, наделенные способностью к самообучению, обработке естественного языка, распознаванию образов и автономному принятию решений, активно внедряются в здравоохранение, транспорт, промышленность и иные сферы общественной жизни. Уникальные характеристики ИИ – автономность, сложность алгоритмов, непрозрачность процессов принятия решений (так называемый «эффект черного ящика») - создают принципиально новые вызовы для правопорядка. Как отмечается в литературе, «искусственный интеллект создаёт дополнительные вызовы в части нарушения приватности и целостности данных, поэтому контроль над обработкой больших массивов информации приобретает особое значение» [1, с. 26]. Кроме того, алгоритмы рекомендаций и фильтрации контента способны формировать «эхо-камеры», ограничивающие разнообразие мнений и усиливающие поляризацию общественного сознания, что требует выработки этических и правовых ограничителей. Таким образом, объективная потребность в формировании эффективных правовых механизмов обусловлена необходимостью защиты прав граждан, обеспечения безопасности и сохранения технологического суверенитета государств при одновременном стимулировании инновационного развития [2, 3, 5].

Европейский Союз демонстрирует наиболее системный подход к регулированию ИИ. В декабре 2024 года вступил в силу Регламент ЕС об общей безопасности продукции (GPSR), возлагающий на производителей цифровых потребительских товаров обязанности по непрерывному мониторингу безопасности и постпродажному обслуживанию. С сентября 2026 года вступают в силу обязательства по отчетности согласно Регламенту о киберустойчивости (Cyber Resilience Act), а с декабря 2026 года применяется обновленная Директива об ответственности за качество продукции (Product Liability Directive). Последняя существенно расширяет ответственность производителей, включая программное обеспечение в понятие «продукт» и вводя презумпцию дефектности продукции при определенных условиях. С августа 2027 года вступают в силу обязательства для систем высокого риска согласно Регламенту об искусственном интеллекте (AI Act), устанавливающему риск-ориентированный подход к регулированию.

В феврале 2026 года Китай опубликовал первую национальную систему стандартов для человекоподобной робототехники, включающую шесть ключевых компонентов: базовые общие стандарты, мозгоподобные

и интеллектуальные вычисления, компоненты и конечности, готовые изделия и системы, применение, безопасность и этику. Разработка велась более чем 120 исследовательскими институтами и предприятиями.

В настоящее время российское законодательство не содержит единого специального закона об искусственном интеллекте. Регулирование осуществляется на основе ряда нормативных актов. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) признает программы для ЭВМ объектами авторского права (ст. 1225), однако исходит из презумпции, что автором может быть только человек (ст. 1228), что создает неопределенность в отношении объектов, созданных генеративными нейросетями. Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ устанавливает требования к обработке личной информации, значимые для функционирования систем ИИ. Федеральный закон об экспериментальных правовых режимах № 258-ФЗ позволяет тестировать технологии ИИ в условиях ограниченного действия общих норм, снижая административные барьеры [6–8].

По состоянию на март 2026 года российское законодательство в сфере ИИ находится в активной фазе формирования. Правительством РФ завершена концептуальная проработка проекта федерального закона «Об искусственном интеллекте». Ключевые параметры законопроекта включают дифференциацию моделей ИИ с введением категорий «суверенный ИИ» и «национальный ИИ». Суверенная модель должна разрабатываться, обучаться и эксплуатироваться исключительно на территории РФ с использованием датасетов, сформированных в России. Для национальных моделей разрешается использование иностранных open-source-решений. В части регулирования авторских прав предусматривается, что права на контент, сгенерированный с помощью ИИ, будут признаваться за пользователем при наличии его творческого вклада в создание такого контента [4, с. 52]. В гражданском секторе (за исключением обороны, безопасности и государственного управления) регулирование будет носить мягкий характер, чтобы не препятствовать развитию бизнеса. Вводится требование маркировки социально значимого контента, созданного с помощью ИИ [8]. Использование ИИ при совершении преступлений предполагается квалифицировать как отягчающее обстоятельство. Параллельно обсуждается инициатива об обязательном раскрытии разработчиками данных об обучении ИИ (происхождение данных, объем использования, цели применения), что должно повысить прозрачность отрасли, но создает дополнительную нагрузку на бизнес.

Наиболее сложным аспектом правового регулирования остается определение субъекта ответственности за вред, причиненный автономными системами. Традиционные деликтные конструкции (глава 59 ГК РФ) ориентированы на вину человека, тогда как в случае с самообучающимися алгоритмами установление причинно-следственной связи затруднено. В доктрине предлагаются различные подходы к решению данной проблемы. Один из перспективных - концепция субсидиарной ответственности, учитывающая дифференциацию ролей субъектов по степени их реального

влияния на результат, типологизацию систем ИИ на основе риск-ориентированного подхода и систему правовых презумпций распределения ответственности. Альтернативный подход - применение концепции ответственности работодателя (*vicarious liability*) к автономным системам ИИ, выполняющим функции работников. Данная модель позволяет гарантировать потерпевшим реальную возможность получения компенсации, не требуя доказывания сложных причинно-следственных связей.

Отсутствие легальных определений ключевых понятий («искусственный интеллект», «автономность», «степень автономности») создает трудности в правоприменении. Планируемый к принятию рамочный закон должен восполнить этот пробел, закрепив базовые понятия и принципы регулирования. Действующее законодательство не содержит специальных норм об ответственности за вред, причиненный системами ИИ. Представляется необходимым дополнить ГК РФ положениями о безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности за вред, причиненный автономной системой ИИ (с правом регресса к разработчику при наличии дефекта), а также внедрить механизмы обязательного страхования рисков, связанных с эксплуатацией систем ИИ. Неопределенность правового режима объектов, созданных генеративными нейросетями, требует внесения изменений в часть четвертую ГК РФ. Целесообразно легально закрепить, что исключительное право на результаты, созданные с помощью ИИ при наличии творческого вклада пользователя, принадлежит пользователю (как это предусмотрено обсуждаемым законопроектом), а в отсутствие творческого вклада - владельцу нейросети по аналогии с правами на секрет производства. Требуется разработка отраслевых стандартов и регламентов для сфер с повышенным риском (беспилотный транспорт, медицинская диагностика, промышленная автоматизация) по аналогии с китайским подходом к стандартизации человекоподобной робототехники.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Современное правовое регулирование ИИ в мире развивается по трем основным моделям: интегративное регулирование (ЕС), технологически нейтральное регулирование (Швейцария) и отраслевая стандартизация (Китай). Российская модель формируется как комбинация этих подходов с акцентом на обеспечение технологического суверенитета. Российское законодательство находится на этапе активного формирования: разработан проект рамочного федерального закона «Об искусственном интеллекте», вводящий категории суверенного и национального ИИ, регулирующий авторские права на сгенерированный контент и устанавливающий принципы маркировки. Ключевыми проблемами остаются: неопределенность категориального аппарата, отсутствие специальных норм об ответственности за вред, причиненный системами ИИ, неясность правового режима результатов, созданных ИИ, и отсутствие системы технического регулирования.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры по совершенствованию российского законодательства. Необходимо принятие рамочного федерального закона «Об искусственном интеллекте» с закреплением базовых понятий, принципов регулирования, прав и обязанностей субъектов, требований к разработке и применению ИИ. Требуется внесение изменений в ГК РФ: дополнение главы 59 нормой о безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности за вред, причиненный автономной системой ИИ, а также внесение изменений в часть четвертую ГК РФ, определяющих правовой режим объектов, созданных с использованием ИИ. Целесообразна разработка отраслевых стандартов для сфер с повышенным риском (здравоохранение, транспорт, промышленность) с учетом лучших международных практик. Необходимо внедрение института обязательного страхования ответственности за вред, причиненный системами ИИ, с дифференциацией страховых тарифов в зависимости от степени автономности системы и потенциальных рисков. Важно развитие механизмов экспериментальных правовых режимов, позволяющих тестировать инновационные технологии в контролируемой среде.

Эффективное правовое регулирование искусственного интеллекта и робототехники должно обеспечить баланс между поддержкой инноваций и защитой фундаментальных прав граждан. Формируемая в настоящее время российская модель регулирования, основанная на принципах технологического суверенитета, гибкости и учета интересов бизнеса, имеет потенциал для достижения указанного баланса при условии системного и последовательного подхода к законотворчеству.

Список использованных источников:

1. Архиреев, Н.В. Искусственный интеллект и автономные устройства: правовые аспекты регулирования / Н.В. Архиреев // Хозяйство и право. – 2026. – № 1. – С. 22-37.
2. Лошкарёв, В.В. Искусственный интеллект о себе: эмпирический анализ его готовности к участию в судебной стадии уголовного судопроизводства в Российской Федерации / В.В. Лошкарёв // Журнал российского права. – 2026. – № 3. – С. 78-88.
3. Малина, М.А. Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу / М.А. Малина // Российский судья. – 2026. – № 2. – С. 33-37.
4. Саркисян, В.В. Творческий вклад человека при использовании искусственного интеллекта / В.В. Саркисян, Н.С. Гишинский // ИС. Авторское право и смежные права. – 2026. – № 1. – С. 49-58.
5. Тью Ван Хунг. О возможности установления уголовной ответственности искусственного интеллекта в законодательстве Вьетнама / Тью Ван Хунг // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2026. – № 1. – С. 2-5.
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. – 29.07.2006. – № 165.
7. Федеральный закон от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Российская газета – № 173. – 06.08.2020.
8. Обзор: «Минцифры разработало проект закона о госрегулировании применения искусственного интеллекта в РФ» // КонсультантПлюс.ру. (дата обращения: 23.03.2026).